

ценностями. У них нет материального воплощения, и тем весомее они для меня, потому что каждая из этих драгоценностей — часть меня.

Один говорил, что я всегда танцую. Иду — танцую, сижу — танцую, говорю — танцую. Все подчиняется какому-то ритму и мелодии, которую слышу только я. Все мои движения — часть танца. По его мнению, это был вальс.

Другой как-то сказал, что у меня улыбка Гагарина. И пояснил: Гагарин стал первым космонавтом не за свои выдающиеся успехи, а за особую, удивительно харизматичную и обаятельную улыбку. Так вот у меня такая же, с теми же запятыми в уголках рта.

Третий готов был слушать меня часами. Мой голос, негромкий, медленный, со сдержанными интонациями, расслаблял и убаюкивал его. Он говорил, что физически ощущает тепло, когда слушает меня.

Четвертый чувствовал меня на расстоянии, а, вернее, флюиды, которые от меня исходят. Объяснить, что это значит, он не мог. Просто ощущал мое появление еще до моей визуализации.

Последняя, самая дорогая мне драгоценность, беззвучна. Это легкое движение руки, убирающей волосы с моего лба.

Третье кругосветное

— Не будете ли вы так любезны, Юрий Моисеевич, — бархатно произнес епископ, — не подвезете ли вы нашего гостя. Он здесь недалеко живет, на Вестсайде. Да вы знаете его, это Викентий Вениаминович. Большой друг нашей Академии и милый человек. Он воевал поручиком еще в Первую мировую и на гражданской побывал. Кстати, вам как историку будет интересно с ним пообщаться, — закончив монолог, епископ выжидательно глянул Юре в глаза.

Владыка, так следовало называть его, был выше среднего роста, с удлиненным костистым лицом, слегка горбонос и носил окладистую с обильной сединой бороду. Одну руку он держал в кармане сиреневого шелка рясы, а второй поглаживал изумительный, с грецкий орех величиной, аметист, бывший подвеской к прекрасной работы кресту, висевшему на шее владыки.

Юра уже было собрался согласиться, но решил выдержать паузу, как бы припоминая дела, ожидавшие его. По опыту он уже знал, что одолжения легко превращаются в обязанности, а посему надо дать спрашивающему почувствовать некоторую неловкость, а может быть даже и вину за свою просьбу. Хотя для владыки это чувство вряд ли имело место быть, а может, он его умело скрывал. По висевшим в его кабинете фотографиям этого сказать было нельзя. На них он был запечатлен со всеми политическими знаменитостями США послевоенного времени. Фигура он, епископ, был загадочная. Вот с ним бы потолковать о делах минувших, но... не приставать же к начальству с вопросами о его, начальстве, непростом, мягко говоря, прошлом.

— Конечно, конечно, отец... э-э-э, простите, владыка, — оговорился Юра, т. к. епископом Арсений стал недавно, уже после прихода Юры в Академию. А до того был он архимандритом, по чину примерно штандартенфюрер. По слухам, кстати, вроде и был таковым, ну да слухи в Нью-Йорке вещь не самая надежная.

Епископ слегка повел бровью, но ласково улыбнулся и протянул руку ладонью вертикально. Тут был нюанс. Дело в том, что большинство сотрудников в случае с протягиванием руки наклоняли голову и выражали почтительное прикосновение губами к тыльной стороне владыкиной ладони. Первый раз в подобной ситуации Юра вывернул свою ладонь и ухитрился пожать руку епископу, приведя его в некоторое недоумение.

На следующий день рука уже не протягивалась, а был приветливый кивок головой, и в ответ Юрино почтительное:

— День добрый, владыка.

Когда через месяц в Академию привезли мироточивую икону, то все дети и сотрудники проходили и смотрели на нее, при этом почти все наклоняли голову, принимая благословение епископа. Юра, любопытствуя, задержался возле иконы и действительно увидел, как на поверхности появлялись капельки мирро. Похоже это было на кожу, потеющую на солнце. Поймав тревожный взгляд Арсения, он склонил голову и щекой приложился к ладони епископа, разглядывая перстень с таким же, как и на кресте, аметистом, поменьше, естественно, но в изящном касте тончайшей работы.

На следующий день, оценив Юрину деликатность, Арсений подал ему руку ребром, т. е. совершенно цивилично. С тех пор, не часто, но в специальных, так сказать, случаях епископ пожатием руки выказывал ему свою благосклонность.

— Так где же наш поручик? — пожимая руку, спросил Юра.

В этот момент тяжелая резная дверь в кабинет владыки открылась, и на пороге появился маленький, сухой, с детским лицом старичок. Надо сказать, что выглядел поручик не плохо, учитывая его вероятные приключения семидесятилетней давности.

— А вот и Викентий Вениаминович. Вы, кажется, знакомы с Юрием Моисеевичем, нашим историком. Он вас и подвезет к дому.

Старичок слегка наклонил голову и немного смущенно произнес:

— Право, владыка, зачем же беспокоить молодого человека, я уж сам как-нибудь, тут много такси проезжает.

— Нет уж, Викентий Вениаминович, не надо как-нибудь, а надо как следует. Юрий Моисеевич подвезет вас прямо к дому, нечего по жаре ходить, — и он протянул старичку ладонь.

Поручик, почти не наклоняясь, приложился к епископской руке и был осенен крестом и благословением. Взяв его под руку, Юра двинулся к выходу.

— Ей-богу, так неловко вас беспокоить, — виновато проговорил старичок. На высоких ступеньках он, близоруко щурясь, нащупывал ногой ступеньки. — Вот уж действительно: "мартышка к старости слаба глазами стала", — процитировал он.

Машина стояла прямо у входа в школу. Старичок остановился, посмотрел на российский флаг, свисающий из окна второго этажа, и сказал:

— А ведь дожил, опять нормальный флаг.

Тем временем Юра открыл дверь машины, пододвинул кресло чуть вперед, чтобы поручик мог слегка упираться ногами, помог ему сесть, сел сам, и они двинулись. Путь был не дальний — пересечь Манхеттен поперек. От Йорк-стрит до Вестсайд-драйв. При нормальном раскладе минут пятнадцать спокойной езды с учетом множества светофоров. Но сейчас они немедленно попали в трафик. В плохой, естественно. Машины почти не двигались. Это было и понятно, так как час пик, во-первых, а во-вторых, здесь, у гигантского медицинского центра, машин скапливалось столько, что просто дурдом.

— Вы, наверное, опаздываете, извините уж меня, Юрий Моисеевич, сам ведь собирался, да владыка не разрешил, у меня иногда спазмы сосудов мозга бывают, — сообщил он. — Могу упасть прямо на улице. Нет, нет, это не припадки. Хотя, может быть, и следы контузий Первой мировой. Да и ноги у меня, правду сказать, совсем плохие. А ведь я два кругосветных путешествия совершил, — почти с гордостью произнес поручик.

— То есть как два, когда, вернее? — спросил Юра. Они стояли под светофором у 80-й улицы. Огромный трак перед ними никак не мог вписаться в поворот. Сигналили машины, ругались водители. Юра уселся поудобнее и расслабился. Стоять предстояло минут десять.

— Я ровесник века, — продолжил старичок. — И конечно, в юности был большой романтик, — букву "о" при этом он выделил очень четко и прозвучало слово поэтому несколько старомодно. — Зачитывался приключенческими романами, особенно помню "Капитан сорвиголова" о боэрах в Южной Африке.

"Надо же, — подумал Юра, — "о боэрах". У него в детстве была эта книга в дореволюционном издании, и там действительно были не буры, а боэры. На него как бы дунул ветерок времени.

— Когда началась война с германцами, я попытался даже бежать на фронт. А в 16-м году, вскоре после Брусиловского прорыва, определился в связь. Тогда это было модно: кожаная куртка, кэпи. Но главное, мой возраст туда подходил. Я уверил всех, что мне 18 лет, почти. Ну, да и люди нужны были с образованием. А я учился очень хорошо, — слегка похвастал старичок.

Трак впереди, наконец, протиснулся, и они проскочили светофор. Покатили не быстро, но без пробок. Юра рассчитывал свернуть на 96-й улице и через Централ-парк проехать на Вестсайд. Он покосился на своего пассажира. Поручик сидел, слегка покачивая головой и пожевывая губами. Видно, челюсти не совсем хорошо сидят, решил Юра.

— Но тут наступила весна 17-го, отречение государя. Я не был большим поклонником Романовых, но все-таки... залог государственности... идея... Да вы ведь сами все это знаете, вы же историк. Я, наверное, надоел вам своими мемуарами, извините старика.

"А ведь ему девяносто четыре года, — подумал Юра, — вот это да".

— Ну что вы, — сказал он, — наоборот, потрясающе интересно. А императора вы видели?

— Нет, не пришлось. В Питере однажды видел царский проезд и императрицу. Изумительно красивая была женщина. Хотя о ней распускались всякие слухи, мерзости там... а глупости это все. Пока болтали о пустяках и рассуждали о значении российской оригинальности, кое-кто времени не терял... — поручик опять замолчал и опять зажевал губами.

Поток машин опять почти застыл. Целый квартал был разрыт. Из торчащих труб струями бил пар. Почему-то шибало мочой. Юра закрыл окно и включил кондиционер.

— Когда они закончат, наконец, эти ремонты? — произнес он скорее в воздух. Мир капитализма в сфере городских услуг до боли напоминал родной социализм. Ремонт улиц, канализации и водопроводов не прекращался ни на секунду. Точно как с покраской мостов. Дошли до края — и надо начинать заново.

— Вы знаете, — отозвался Вениамин Викентьевич, — сколько здесь живу, всегда так было, то, говорят, мэр продает заказы, то итальянская мафия все распределяет. Но уверяю вас, уважаемый Юрий Моисеевич, что в любом большом городе одни и те же проблемы. А уж я этих городов повидал предостаточно.

— Викентий Вениаминович, — осторожно прервал его Юра, — а эти кругосветные путешествия были связаны со службой или как-то иначе?

— По службе, по службе, но мне, тогда восемнадцатилетнему мальчишке, все представлялось изумительным приключением. Вы знаете, летом 17 года я входил в состав роты спецсвязи при ставке Верховного Главнокомандующего. Где-то в июле меня вызвали к начальству, вручили опечатанный портфель и приказали доставить его в Лондон послу. Конечно, я понятия не имел, что в портфеле, да меня это и не интересовало. В ставке я несколько раз видел Верховного — Лавра Георгиевича Корнилова. Безо всяких приключений я с еще одним офицером прибыл в Лондон, отдали в посольстве портфель и почти два месяца гуляли по Лондону и окрестностям.

— А что, господин поручик, в те годы в Лондоне был сильный смог? — спросил Юра.

— Не могу сказать, было лето, печки не топили. Хотя город был грязноват, закопчен слегка, правильнее сказать. Но зелени было много, и мы были молоды, и все было замечательно. А вот что меня удивило в Лондоне — это Вестминстерское аббатство. Вы не бывали там, случаем? Ну что это такое: усыпальница английских королей, а в каком ужасном состоянии.

Юра молча кивнул головой. Он уже побывал в Лондоне и был согласен с господином поручиком. В сравнении с Петропавловским собором в Питере или, скажем, аббатством Сен-Дени в Париже Вестминстерское аббатство явно проигрывало.

— Но тут последовали ужасные события сентября 1917 года и эта роковая ошибка Керенского с арестом Корнилова и Деникина. Возвратившись в ставку, мы застали уже нового Главнокомандующего — генерала Духонина. Еще несколько раз я ездил в Лондон, а потом, уже после событий в Бресте, весной 1918 года я повез очередной портфель в Сибирь адмиралу Колчаку. Ехали на пароходе в Нью-Йорк, а оттуда на поезде в Калифорнию и опять на пароходе во Владивосток. Это и было мое первое кругосветное путешествие.

Юра аж подскочил на сидении и до упора вдавил педаль тормоза. Он так заслушался, что чуть не въехал в здоровенный лимузин перед ними. Почти все, о чем рассказывал господин поручик, ему было знакомо по книгам. Но одно дело читать, а другое разговаривать со свидетелем этих немислимо древних уже событий.

— Так вы были знакомы с Колчаком?

— Конечно, Юрий Моисеевич, ведь я лично вручал ему бумаги из Лондона. Только вы уж, пожалуйста, так резко не тормозите, а то у меня голова начинает кружиться, и меня может вытошнить.

Это было невероятно. Здесь, в Нью-Йорке, в пробке у въезда в Централ-парк, рядом с Юрой сидел человек, лично знавший адмирала Колчака, Корнилова и Деникина и, наверное, еще многих людей из невероятного времени, полностью изменившего лицо мира в двадцатом веке.

— Адмирал, знаете ли, был поразительно интересный человек. Я не говорю про языки, он их знал множество, говорят, даже читал и писал по-китайски. Но со мной, мальчишкой, был прост и приветлив. Рассказывал про свои экспедиции на Севере.

Ветер времени не просто овеял Юру, но кружил его в вихре событий невероятных. Он как будто провалился в Зазеркалье, волны истории укачивали его, и он барахтался в них. Юра знал, что "Земля Санникова" Обручева написана по материалам Колчаковских экспедиций, но мог ли он

предположить, что однажды будет беседовать с человеком, лично знавшим Александра Колчака, Адмирала, Верховного Правителя Сибири. Да-а-а, свезло... Тем временем подъехали к Пятой авеню. Здесь уже был въезд в Централ-парк. Слава Богу, выбрались из пробок.

— В самом конце осени я, опять с бумагами, был отправлен на Дон к генералу Деникину. Вернее, как я узнал потом, это было письмо Вильсону по поводу конференции на Принкипо. Есть такой островок в Мраморном море. Поездка по Транссибу была совершенно невероятной. Я оказался участником, частично, слава Богу, знаменитого чехословацкого анабазиса. Летом 1919 года я еще пару раз съездил в Лондон и Париж. Воевать мне не пришлось. Я уже был, как говорят в Америке, профессионал, курьер спецсвязи. В самом конце августа — начале сентября я приехал в Одессу. Она только-только была освобождена от большевиков. Была праздничная атмосфера. Я гулял по знаменитой Дерибасовской. Вы, Юрий Моисеевич бывали в Одессе? — и в ответ на Юрин кивок продолжил: — Кажется, в тот раз я был на вечере, где присутствовал Бунин. А потом мы с приятелем наняли извозчика и ехали к каким-то его знакомым на Фонтаны.

Он так и сказал: Фонтаны. Юра зачарованно слушал. Они медленно катили через парк. Деревья еще не начали желтеть, но в зелени появился намек на скорое увядание. Окна машины были открыты, и свежий воздух парка, и его особый аромат, и шум отдыхающих людей, цокот копыт лошадей, запряженных в коляски, на мгновения вошли в резонанс видений, захвативших Юру: Одесса 1919 года. Где-то там, на улицах, идет его дедушка на кондитерскую фабрику, пробирается переулками на встречу с Бяликом Юрина бабушка, а Юрин папа уже играет во двореке на Малой Арнаутской как раз напротив Шалашного переулка.

— Но к этому времени, Юрий Моисеевич, я начал уставать. Нет, не физически, конечно. А так, знаете ли, нервно, что ли. Мой поход с чехами и пребывание с Добровольческой армией несколько выбили меня из колеи. Я по-прежнему желал и ожидал скорой победы и торжественного въезда в Москву и Питер, но я видел, как блекли и выцветали идеи святого дела. Вообще, вы знаете, что-то странное происходило с людьми. Право, законы... они отошли на второй план, на время, понятно, но люди, те самые, что вчера еще были милыми и интеллигентными, изменились, и порой совершенно ужасно. Как будто мы провалились во времени и обнажились древние жестокие инстинкты, уважение к жизни ближнего подобно луковой шелухе свалилось со многих, и вылезли самые страшные пороки... Я стал разочаровываться... Конечно, я понимал, что гражданская

война не делается в белых перчатках. Но все-таки. Знаете: идеалы, юношеское восприятие происходящего. Так как я не участвовал в операциях регулярных частей, то Бог меня миловал, и мне не пришлось поступиться представлениями о чести русского офицера, как это иногда случалось с другими. И вы знаете, Юрий Моисеевич, что окончательно разочаровало меня в Движении, — это поведение моего друга детства. Он происходил из очень старой русской фамилии. Я встретил его в Одессе. Он был уже штабс-капитаном. Я стоял у памятника Пушкину. Был замечательный день. Конец сентября. Нет жары, сухо. Легкий ветерок из порта, аромат моря. Запахи ранней осени. И вдруг я слышу знакомый голос. У Вики, его полное имя Виктор, был небольшой фальцет, что-то со связками после детской болезни. Не спутаешь никогда. И этот голос резко так звучит:

— Пошел вон, сволочь, — да еще с такими выражениями вдобавок. Я просто оторопел. Поворачиваюсь — Боже мой, точно, Вика и с ним поручик идут в сторону гостиницы "Лондонской", перед ними идет высокий худой еврей, а позади них семенит другой, с виду тоже еврей. Так они дошли почти до входа в гостиницу. Я шел сбоку по аллее и слышал, как странно этот задний говорил: "Господин штабс-капитан, я же звоню двадцать раз", потом он звонил двадцать один раз, потом двадцать два и тут они остановились. Вика взял у звонящего какой-то сверток и пнул ногой в спину того еврея, что впереди. Он тут же убежал. Я перешел через дорогу, и тут Вика увидел меня. Ну конечно, мы были счастливы, оба ведь живы, и даже не ранены. Он тут же повел меня в ресторан. Взяли, выпили прекрасного шампанского. И я обратил внимание, что Вика расплачивался деньгами из того самого свертка. Тут до меня дошло, это были тысячерублевки с колоколом. Вот, значит, почему идущий сзади "звонил". Он предлагал Вике взятку, или выкуп, можно и так сказать. Я поинтересовался, кого это они отпустили. Оказывается, арестованный сотрудничал с большевиками...

В этом месте исторических воспоминаний Юра опять чуть не врезался в бампер впереди едущей машины. Он так дал по тормозам, что машина подпрыгнула. Викентий Вениаминович ойкнул, не будь он пристегнут — лететь ему сквозь лобовое стекло.

— Юрий Моисеевич, Господь с вами, не буду ничего рассказывать, мы так точно попадем в аварию.

Юра извинился. Его можно было понять: это было не просто невероятно, это была какая-то фантастика. Однажды, лет двадцать пять назад Юрин дедушка Янкель рассказал ему, как на фабрику нагрянула дени-

кинская контрразведка. Фабрика периодически становилась то народной, то опять дедушкиной, в зависимости от власти в городе в данный момент. В очередной раз, после входа в Одессу деникинцев, дедушка отправил всех по домам, дабы не попали под арест как сотрудничавшие с большевиками, а сам забыл об этом, так как решал проблему декристаллизации карамели. Был он известный в России карамельщик. В тот самый момент, когда идея его наконец выкристаллизовалась, открылась дверь и вошли два офицера. Были они юны, энергичны и деловиты. Не теряя времени, молодые люди, используя богатый запас ненормативной лексики, разъяснили Янкелю всю пагубность работы на большевиков. На его заверения, что он, собственно, владелец, а не управляющий, они отреагировали абсолютно адекватно:

— Ничего, жидовская морда, пойдешь с нами, там и разберемся.

"Там" означало только одно — контрразведка. Не лучше, но, впрочем, вряд ли хуже ЧК. Дед был философ, поэтому он продолжал обдумывать проблему карамели по дороге. И кто знает, как все было бы, не повстречай их процессию старинный приятель Янкеля с Молдаванки. Идя сзади офицеров, он каждый квартал прибавлял по тысяче рублей, "звонил", доведя, наконец до двадцати двух тысяч рублей. Этого было достаточно для ресторана на двоих. Он выкупил Юриного деда и спас его.

И вот, сейчас в Нью-Йорке, ранней осенью в Централ-парке, Юра повстречал свидетеля тех семидесяти с лишним лет назад событий. Он уже хотел сказать господину поручику, что это был его дед, и повернул голову, но увидел, что старик сидит, прикрыв глаза, и жуёт губами, то ли придремал, а, может и точно, от Юриных рывков ему нехорошо. Они выехали из парка и покатали в сторону Гудзона. Здесь город был почти пуст. Стояли запаркованные машины. Одна-две, может быть, ехали за ними.

— Мне на сто двенадцатую в самое начало, пожалуйста, — сказал поручик. Они постояли у светофора на Бродвее, повернули направо и показали вверх, в сторону Колумбийского университета. Места эти были хорошо знакомы Юре. Здесь был "Тачи", его любимый итальянский оперный ресторанчик.

Да нет, пожалуй, не стоит говорить Викентию Вениаминовичу, что он однажды осенью пересекся в Одессе с Юриным дедушкой. Кроме того, это мог быть кто-то другой. Судя по всему, выкупали в те дни не только его одного. Но надо же, на другой стороне земли, такая встреча.

— Из Одессы я уехал в Крым, а оттуда из России. В конце концов, я очутился в Америке. Фактически это и было мое второе кругосветное пу-

тешествие. Потом я не раз побывал в Европе и был даже вблизи границ России, но, как вы понимаете, Юрий Моисеевич, въехать в СССР я не решился. Побывал и с другой стороны, в Японии, видел советские корабли... Да-а-а...

— Можно считать, господин поручик, что сейчас вы находитесь в третьем кругосветном путешествии, — сказал Юра. — Осталось съездить в Россию — и как раз будет три.

— Ой, как хочется съездить. Да ведь мне девяносто четыре года. Слабый я совсем, Юрий Моисеевич. Наверное, не решусь. Хотя вы правы, я в третьем кругосветном. Вот вам и детские мечты. Так ведь и вы тоже в кругосветном, разве нет? Я вообще считаю, что каждому человеку Бог предоставил три путешествия. Первое в его предках, второе в самой жизни, а третье в потомках.

Юра задумался. Это была интересная мысль. Предки его в самой глубокой древности покинули Африку, а позже прибыли в Европу с Ближнего, и не исключено, что и с Дальнего Востока. Не может быть, чтобы кто-то не побывал в Америке. Это и было его первое путешествие. Сам он Европу пересек, Америку пересек, когда-то и СССР пересек, почти. Осталась суцкая безделица. А сколько раз ему еще предстоит повторить это. Слава Богу, без войн, будем надеяться. А уж его потомки покатаются, дай Бог.

Они подъехали к дому, Юра аккуратно въехал в неширокий изогнутый подъезд и остановился. Викентий Вениаминович сунул руку в нагрудный кармашек старенькой данхилловской рубашки, достал оттуда десять долларов и протянул Юре:

— Огромное спасибо, Юрий Моисеевич, что подвезли старика и поговорить дали, я ведь давно уж не имею с кем вспомнить те годы. Все померли. Очень, очень вам благодарен.

Юра обалдел, брать деньги у старика никак не входило в его планы. Подвез и подвез, тем более, что такое развлечение, а мемуар какой, а дыхание времени, нет, это он должен был бы заплатить Викентию Вениаминовичу. Поэтому он взял десятку и положил в тот же кармашек:

— Увольте, что же, я вас за деньги вез, что ли? Мне было приятно с вами познакомиться и просьбу епископа выполнить, так что, как говорили в Одессе, оставьте этих глупостей. Надеюсь, мы с вами еще не раз поговорим, у меня мно-о-о-го вопросов.

— Да-да, конечно, — ответил тот, — но вы не должны стесняться, я ведь, когда приехал, тоже работал в самых разных местах и шофером то-

же. Труд должен быть оплачен, а вы столько времени на меня потратили. Нет, нет, я не могу ехать бесплатно. Вы же знаете, я офицер русской армии и счел бы позорным воспользоваться вашим положением недавно приехавшего в эту страну человека. У вас ведь семья, дети. Нет-нет, не обижайте меня, возьмите деньги, — и он опять полез в кармашек.

Юра рассмеялся:

— Я вас прошу, Викентий Вениаминович, не возьму я у вас деньги, вот ведь придумали вы, кроме того, я тоже офицер русской армии, — он вспомнил, что при сдаче билета в военкомате выяснилось наличие у него капитанского звания, — капитан, кстати, так что будьте добры: спрячьте деньги и прекратите все это, — он слегка добавил металла в голосе.

Викентий Вениаминович на секунду замер, переваривая услышанное, а затем неожиданно быстро выгнулся на переднем сидении, и в положении руки по швам четко произнес:

— Прошу извинить меня, господин штабс-капитан. Больше не повторится.

Теперь уже Юра на пару секунд обалдел, но быстро сориентировался и весело сказал:

— Вольно, господин поручик, можете идти, до встречи.

Тут он вылез из машины, обошел ее, открыл дверь и помог Викентию Вениаминовичу выйти. Тот кряхтя выбрался, и Юра проводил его до двери, где уже стоял дормен. Здесь поручик выпрямился и бодрым голосом произнес:

— Еще раз огромное спасибо, господин штабс-капитан. Всего хорошего, — молодцевато повернулся и вошел в дом.

Нью-Йорк

Летчиками не рождаются

Часть 1.

Когда на огороде заколосилась конопля, муж сказал своей жене:

— Чучело надо бы сделать.

— Да уж надо, — согласилась та и принялась за работу. Соломки не пожалела, набила ею старую мужнину рубаху и рабочий комбинезон.

— А комбинезон нашо взяла?

— Да он такой вониючий, что всех птиц распугает.

— Постирала бы лучше, а то наша Федора до работы хвора...

— А толку! Все равно ты в нем на пугало будешь похож.

— Кто из нас пугало, так это ты, — не остался в долгу муж.

"Ну, подожди", — злорадно подумала жена и отрезала пуговицы от мужниного форменного кителя, который он надевал раз в год, чтобы напиться с друзьями по поводу Дня авиации. Две блестящие пуговицы с крылышками и пропеллером она пришила чучелу вместо глаз, а одну — на область мужского достоинства, для солидности. Оглядев творение своих рук, она осталась довольна и пошла водружать чучело на грядку.

Два дня вороны близко не подлетали. А на третий одна из них, самая смелая, подлетела поближе и крикнула своим товаркам:

— Ребята, не бойсь, он не настоящий. Налетай! — и первой рванула к коноплянному посевам.

— Борт ноль-ноль-один, — сказала вдруг чучело голосом авиадиспетчера. — Посадку не разрешаю.

Ворона, уже успевшая отхватить верхушку початка, аж поперхнулась. Чучело зашуршало соломой, имитируя радиопомехи:

— Заходи на запасной аэродром к тетке Палашке.

Но ворона уже пришла в себя и заорала во все свое воронье горло:

— Ты что мне указываешь, чучело пучеглазое! Сейчас позову своих на подмогу, мы тебе живо моргалки вынем!

Ворона взмыла над грядкой и полетела к ближайшему кусту орешника.

— Борт ноль-ноль-один, не забудьте убрать шасси, — донесся до нее металлический голос. И дальше, уже с нотками злорадства:

— Между прочим, у вас стабилизатор в дерьме.

...Они нагрянули целой эскадрилей. Ведущей была ворона, которая кормилась у городской свалки и поэтому считалась самой образованной.